

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. Жанр каникулярной повести в произведениях XXI века для детей и подростков // Litera. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.2.69802 EDN: GAWXAE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69802

Жанр каникулярной повести в произведениях XXI века для детей и подростков

Октябрьская Ольга Святославовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

✉ svyatolga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.2.69802

EDN:

GAWXAE

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: В статье исследуются жанровые особенности каникулярной повести о детском оздоровительном лагере конца XX – начала XXI веков. Выявляются как традиции повести о пионерском лагере XX века, так и оригинальные черты современных произведений для детей и подростков. В статье актуализированы темы взаимоотношений подростков и детей в новом для себя коллективе, проблемы взросления и социализации. Представлена достаточно разветвленная типология детско-подростковых характеров, актуальных для современной действительности. Значимость и важность данной статьи обусловлена важностью поставленных проблем, а также современным и практически неизученным материалом исследования, коим являются произведения Вл. Крапивина, Т. Крюковой, М. Пантелеевой, Т. Михеевой и др., только входящих в научный оборот. Для осмысления данных аспектов в статье применяются следующие

методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей коммуникации детей и подростков, их социализации и самореализации в каникулярной повести. Основным результатом данной работы стало исследование разных типов характеров детей и взрослых, путей их взаимодействия и способов самореализации. Актуальным в данной статье становится исследование практически нового и малоизученного художественного материала, вызывающего неподдельный интерес у самих подростков. При этом решались следующие задачи: выявление ключевых аспектов взросления и социализации ребёнка /подростка; анализ взаимоотношений детей в повестях Вл. Крапивина, Т. Крюковой, М. Пантелеевой, Т. Михеевой и других писателей; определение особенностей развития основных сюжетных линий и образной системы анализируемых повестей, а также жанрового своеобразия исследуемых произведений. Ключевыми аспектами статьи стали вопросы о жанровой природе повестей, типологии детско-подростковых характеров, нравственных аспектах взросления ребенка.

Ключевые слова:

каникулярная повесть, пионерский лагерь, подростковая литература, взросление ребенка, типология детского характера, современная детская повесть, детский детектив, психологическая повесть, возрастная психология, детская литература

Вопрос о жанровой природе того или иного художественного литературного произведения весьма сложен и неоднозначен, несмотря на появление значительного числа трудов на эту тему. Данный вопрос всегда важен и вызывает множество дискуссий. Данная статья посвящена осмыслению жанровых особенностей каникулярной повести о детском пионерском лагере в русской литературе конца XX – начала XXI вв., что **актуализировано** самим материалом исследования, который остаётся малоизученным литературоведческой наукой, а также теми крайне важными проблемами, которые подняты в рассматриваемых произведениях. Это вопросы, связанные с особенностями взросления подростка, принципами его коммуникации и социализации в новом коллективе.

Актуализация этого вопроса в настоящей работе предопределена необходимостью выявления тех проблем в жизни современного ребенка и / или подростка, которые помогают ему не просто вписаться в конкретный коллектив нового для себя сообщества, но и способствуют выявлению определённых качеств характера, необходимых для успешной коммуникации и самореализации.

Изучение проблем взаимоотношений подростков и детей на современном материале имеет большую теоретическую и практическую значимость. **Теоретическая значимость** данной работы обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования жанровой природы каникулярной повести о детском оздоровительном лагере, а также проблем изучения типологии детско-подростковых характеров. **Практическая значимость** данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. **Теоретической базой** данной статьи стали фундаментальные труды литературоведов, так и работы современных учёных, которые обращаются к данной проблематике. Так, проблемы жанровой специфики художественного произведения осмыслены в трудах С. С. Аверинцева [\[1\]](#), М. М. Бахтина

[2], Н. Л. Лейдермана [3], О. Ю. Осьмухиной [4] и др. Проблемы каникулярной повести исследуются в работах Н. Ю. Арбузовой [5], С. В. Бурмистровой [6], С. Маслинской [7] и др. О проблемах подростковой самореализации размышляют Е. В. Борода [8], А. П. Мингалина [9], И. С. Юхнова [10], которые выявляют проблемные аспекты детско-подросткового характера, воплощённого в произведениях русских и зарубежных писателей.

Жанр каникулярной повести о пионерском лагере относительно новый для русской детской литературы. Безусловно, тема детского отдыха, усадебный топос, дачный дискурс входили в круг писательских интересов и ранее, но именно тема пионерского/оздоровительного детского лагеря стала актуальной после появления соответствующего феномена. Актуализировался данный феномен в XX веке, начиная именно с 1920-х годов, когда стали появляться повести об Артеке, о других пионерских лагерях, а также тема пионерского лагеря стала входить в повести воспитания («Четвёртая высота», «Республика ШКИД», «Будьте готовы, Ваше высочество!» и др.). Данная тематика стала органичной частью детско-подростковой литературы XX века. Примечательно, что в 1990-е годы, когда пионерские лагеря стали постепенно уходить в прошлое, сама тема существенно меняется, а возрождается она уже в XXI веке с появлением оздоровительных детских лагерей. И тут литература столкнулась с новым феноменом – жанр каникулярной повести о детском лагере редуцирует часть своих черт за счёт проявления элементов других жанров, с которыми сопрягается детская лагерная повесть. В связи с этим можно выделить несколько жанровых тенденций развития каникулярной повести о детском лагере конца XX – начала XXI вв.

Советское прошлое, в том числе пионерское, решительно переосмысливается в 1990-е годы и воспринимается не просто как рудимент, а именно как нечто ужасное, фантазмагоричное и во многом трагическое. Одним из первых к осмыслению советского наследия как во многом непростого и текущей современности как весьма драматической приступает **Вл. Крапивин** в повести **«Сказки о рыбаках и рыбках» (1991)**. Причудливо соединяя черты психологизма, магического реализма и мистического реализма, писатель выстраивает достаточно разветвлённый мистико-реалистический сюжет повести. Несмотря на то, что в центре произведения сюжет о лагере «Аистёнок», то есть лагерный дискурс, не менее важными оказываются разные жанровые составляющие произведения. Так, жанровые черты **психологической повести** выводят непростые жизненные перипетии художника Валентина Валерьевича Волынова, согласившегося когда-то в юности стать внештатным сотрудником КГБ (ФСБ) и рефлексирующего по этому поводу много лет, на его работу в клубе «Репейник», больше напоминающую вожатскую деятельность, чем собственно педагогическую и т.д. В рамках психологической повести автор сосредотачивается на отношениях Волынова и его возлюбленной Валентины, а также выстраивает сложный путь взаимного доверия между сиротой Женькой, прозванным Сопливиком, и самим главным героем – Волыновым. Если Женька сразу чувствует тепло, надёжность и доброту взрослого, но постоянно рефлектирующего человека, то Волынову надо присмотреться к мальчишке, отойти от общественных штампов, извращающих обычные, естественные и самые простые человеческие отношения и прислушаться к герою-помощнику с необычной судьбой и не менее необычным именем (Юр-Танка). И только в конце происходит осознание того, что не только взрослый человек может пытаться защитить подростков от скверны общества, но и ребёнок может ценой собственной жизни спасти своего защитника и его семью. Разветвлённая система ретроспекций помогает выстроить не только жизненный путь Волынова, особенности его работы с детьми, но и показать своеобразие его взглядов на

жизнь и формирование его характера.

Мифологическая составляющая выстраивает в повести Крапивина систему космогонических, героических, космологических и собственно литературных мифов. Повествование о происхождении, структуре и функционировании Великого Кристалла, о его гранях, схождениях и пересечениях органично сопрягается как с литературным мифом о золотой рыбке, которая исполняет желание ценой собственной жизни, так и с солярным и лунарным мифами, трактующими особое происхождение и своеобразную роль этого персонажа. Героический миф о Командорах не просто типизирует главного героя и вписывает его в ряд героев-защитников, но и оригинально характеризует Воынова, выявляя те качества, которые не всегда очевидны с первого взгляда.

Фантастическое начало связывает единым узлом реальное повествование о жизненных перипетиях героев с фантастическим способом решения вопроса. Так, проблема усыновления сироты и его истового желания обрести дом, родителей, нормальную семью усилена реализацией мифа о современном Икаре – Илюше Митникове, который в отличие от античного предка долетел до своей мечты, попал в новый дом, где ожидал увидеть родительскую любовь и семейную идиллию, но тоже обжёгся, только не о солнце, а о жестокость и цинизм приёмных родителей. А самому Илюше предоставляется право повторного выбора новой приемной семьи: душевной и ласковой, но небогатой тети Маши или обеспеченных и холёных, но холодных и равнодушных к ребёнку супругов.

И только **реалистическая основа** показывает страшный и жестокий мир общества, который не только равнодушен к миру детства, но и готов физически устранить ребенка или даже целый детский коллектив, не вписывающиеся в новую жизнь или мешающие ей. В этом плане показательны фигуры Мухобоя, Абова и др. Противопоставлены две эпохи – советская и постсоветская, но единым нравственным узлом объединяет оба исторических периода появление тех, кому жизнь, эмоциональное состояние и благополучие ребенка – любого, родного или чужого, – оказывается важнее всего. И именно ситуация, разворачивающаяся во время летних каникул в детском лагере, провоцирует и обостряет основные конфликты времени.

Близкой по своей жанровой природе к произведению Крапивина можно назвать повесть **Екатерины Неволиной «День вечного кошмара» (2009)**, сюжет которой движет мотив расследования, при этом автор также лишь отталкивается от плана синхронного и переводит своё повествование в диахронный. Исследователи (к примеру, Светлана Маслинская) называют повесть Неволиной ужасником с готическим нарративом. Действительно, фантастический мотив и поэтика ужасного в повести весьма сильны и становятся сюжетообразующими. Трое друзей – Динка, Юра и Серый – исследуют заброшенный пионерский лагерь, где в 1980-е годы произошла трагедия – погиб один из воспитанников. Однако уже не столько расследование и узнавание, а именно познание и осмысление давнего прошлого и сопоставление собственного детства с периодом взросления ребят ушедшей эпохи занимает героев. Романтика прошлого, чистота и светлое начало практически отсутствуют. Автор не просто показывает детские страхи и негатив конкретного эпизода прошлого, но и фактически отделяет прошлое от настоящего по принципу ужасного советского и нейтрального настоящего. Однако все внимание сосредоточено именно на изображении того прошлого, которое воспринимается как трагическое и неестественное. Повторяемость происходящего, шаблонность действий героев, временная и пространственная замкнутость локуса и невозможность выбраться из него без определённого ритуала создаёт впечатление обреченности и безысходности.

Современность не воспринимается спасающей и более светлой. В повести присутствуют и черты, вполне типичные для каникулярной повести о детском лагере, но они даны слишком бегло, отрывисто и пунктирно. Даже отношения между героями выстраиваются не столько на основе дружбы, сколько на необходимости решить важную задачу и вернуться в свое время целыми и невредимыми. Время же, куда попали герои, практически остановившееся, застывшее в самый драматический момент, когда происходит преступная халатность вожатой. Разомкнуть этот круг и в чём-то искупить вину матери может только её сын, оказавшийся на месте того самого ребенка. События практически не выходят за рамки этого напряжённого повествования. Таким образом, каникулярный дискурс, лагерная тема заметно сужается до уровня лагерного фольклора, не позволяя повествованию выйти в реальность.

Новое время, наша реальность лежит в основе повести **Т.Ш. Крюковой «Ведьма» (2006)**. Хронотоп произведения ограничен условиями каникулярной повести о детско-подростковом лагере и укладывается даже не в целую лагерную смену, а заканчивается несколько ранее, со смертью одной из главных героинь, хотя и несколько расширяется за счёт ретроспективного плана – упоминания о долагерной жизни Тони. Примечательно, что ретроспекция касается только Тони – писательнице необходимо показать истоки необычности героини, корнящиеся в установке ее матери, которая трактует необычные способности дочери как расплату за материнские грехи. При этом текущие события вписаны в характерный лагерный дискурс – море, крымская природа, особая архитектура строений, корреспондирующая с горно-морским пейзажем и т.д. Все это становится фоном, на котором разворачивается своеобразная *психологическая* дуэль главных героинь, наградой за которую может стать симпатия Егора. Таким образом, типичная каникулярная повесть о детском лагере в данном случае утрачивает ряд своих жанровых черт за счёт усиления психологической составляющей.

Приём контраста помогает Крюковой с самого начала не только охарактеризовать Людку, одну из главных героинь, но и противопоставить её остальным, особенно Тоне. Броская внешность и яркая харизматичность, внушающие доверие многим в лагере, противостоят самой сути героини, которая не то что не скрывает, но даже бравирует своими греховностью, отличием от других, превосходством над всеми. Так, её первоначальное знакомство с понравившимся парнем – вызов детству и нарочитая демонстрация взрослости и превосходства над другими. Негативные черты характера героини по мере развития сюжета лишь усиливаются. Крюкова не просто использует прием градации, но и четко противопоставляет явную гипертимную личность (Людка) аутистической (Тоня). При этом «ведьма» Тоня, умеющая заговаривать кровь, считающаяся умственно неполноценной, ориентирована на добро, гармонию, свет. Она готова помочь каждому, но явно недооценивает себя и судит себя весьма строго. Людка же не считается не только с нормами этики, но даже нравственности и морали. Так, она готова подбить компанию ребят убежать из лагеря, провоцирует Егора открыто проявить к ней чувства, не стесняется прилюдно обнажить грудь на пляже, привлекая к себе повышенное внимание, но самое главное – она жестоко мстит Тоне за её блёклость и неумение постоять за себя, за внимание, которое той оказывает Егор и т.д. И если вначале это обидные, но невинные шутки, то потом это откровенная травля, доходящая до хулиганства: она организует жестокое избиение Тони, руководит девочками, оскверняющими кровать соседки, страдающей от лунатизма, и, наконец, становится фактически убийцей Тони, окликав ту в тот момент, когда она в состоянии лунатизма карабкается на скалу желаний. Прямое обвинение, брошенное Людке, звучащее в конце из уст любимого, – закономерный итог действий героини. Однако Крюкова заостряет проблему и выводит еще один аспект. Ей важно, что все поступки Людки совершаются

при молчаливой поддержке Егора, который идет на поводу у понравившейся девчонки и не выходит из зоны комфорта, не осуждает её, не защищает ту, которая нуждается в простом человеческом участии. Таким образом, произведение Крюковой выходит на важные психологические вопросы и расставляет соответствующим образом акценты.

Крымская тема заявлена и в повести **Марины Пантелеевой «Сокровища Кара-Дага» (2023)**, которая соединяет в себе черты повести об оздоровительном лагере, детектива и психологического повествования. Жанровые элементы повести о детском лагере становятся знаковым сюжетообразующим началом данного произведения. Так, достаточно активно задействован **долагерный дискурс**, и автор подробно описывает вполне типичные формы детского летнего отдыха, с которыми в прошлом сталкивались главные герои – языковой зарубежный лагерь, отдых на греческих островах (Костик Ежов), работа и отдых на побережье Крыма (Ева и Дима Филатовы), которых родители во время курортного сезона предоставляли самим себе. Лето могло проходить и более пассивно: чтение книг, помощь по дому (Рита Рябинцева). Все эти виды отдыха во многом противостояли нынешним предстоящим развлечениям в детском лагере, что обуславливало нежелание героев ехать в лагерь «Золотой якорь» и настороженность их и их родителей по поводу лагерной жизни. Так, мама Риты, врач-эпидемиолог, считала лагерь скоплением вирусов и бактерий.

Дорога в лагерь, даже если он находился рядом с домом, для будущих постояльцев весьма непроста. Это может быть в прямом смысле тяжкий путь к лагерной жизни. Рита, которая едет в Крым из Новосибирска, не переносит вагонную тряску поезда, а для близнецов Филатовых путёвка в лагерь, доставшаяся их маме бесплатно, закрывает дорогу к свободе и не согласуется с их планами и представлениями об отдыхе. Костик Ежов более всего боится, что в лагере ему не будет хватать еды, поэтому он основательно перекусывает в аэропорту.

Хронотоп лагерной жизни заявлен и обусловлен во многом особенностями происходящего и ограничивается временем пребывания детей в лагере – одной сменой, а также пространственными рамками самого лагеря. Вместе с тем привычная для каникулярной повести XX века дихотомия лагерь/дом, решенная в пользу лагерной жизни как соотношение свободы, отдыха, райской жизни, приключений, с одной стороны, и рутина, обыденность, с другой, в данной повести во многом сохраняется. При этом Пантелеева во многом расширяет пространственно-временные границы повествования за счёт сопоставления нынешней жизни в лагере и альтернативный отдых героев в прошлом, а также смены данного лагеря предыдущих лет, когда в лагере был другой повар и т.д. Пространственные границы увеличиваются благодаря приключенческой составляющей, которая выводит героев за территорию лагеря и переносит действие в места археологических раскопок в Кара-Дагском заповеднике, в крымские пещеры, каменоломни, на трассу, по которой едет рейсовый или экскурсионный автобус с героями и т.д.

Однако основное действие происходит **на территории детского оздоровительного лагеря**, чем обусловлен заявленный хронотоп. Все основные события повести ограничены рамками одной смены. Пространственный локус, в отличие от повестей о пионерском лагере предшествующих эпох, дан весьма кратко и оказывается вполне ожидаемым: ряд отдельных двухэтажных корпусов, игровые и спортивные площадки, местная крымская природа, включающая виды на море, кипарисовую аллею, интерьеры комнат-номеров, столовой и больничного изолятора. Основные лагерные развлечения тоже представлены весьма бегло, так как главным предметом изображения становится именно **детективная линия** – расследование кражи найденных археологами сокровищ

древних тавров.

Собственно **детективный сюжет** завязывается с первых страниц – кража раскопанных археологами сокровищ становится отправной точкой движения сюжета: отец Костика вынужден отказаться от семейного отдыха на Средиземном море и уехать в Крым, чтобы помочь на месте расследовать преступление, а срочная командировка жены делает необходимым отправление Костика в крымский оздоровительный лагерь. Сразу задана главная линия расследования – под подозрение попадает водитель и повар археологической экспедиции, некий Саньч, поиски которого и могут помочь в установлении места хранения украденных сокровищ. Элементы жанра детектива актуализированы в повести в классической последовательности. С самого начала заявлено о преступлении, появляется детектив, расследующий данное дело. В случае с сокровищами Кара-Дага преступление пытаются раскрыть официальные лица – полиция, следователи и даже журналисты, регулярно публикующие не только информацию о ходе расследования, но и представляющие самостоятельные версии преступления. При этом все это становится значимым, но все-таки фоном повествования, а на передний план выходит деятельность четверых детективов-подростков, пытающихся найти сокровища и разоблачить преступника. Жанровые черты детектива в этом произведении присутствуют, но не всегда играют решающую роль. Так, предмет изображения не сводится только к анализу преступления и попытке его раскрытия. Две временные линии в повествовании выявить можно, но не столько характерные для детектива последовательное изложение текущих событий и восстановление событий до, во время и после преступления, а акцент сделан именно на современной условной реальности, при этом усложнённой не ретроспективными фрагментами, а воспоминаниями тех, кто мог оказаться рядом с преступником. Благодаря этому нельзя восстановить ход мыслей и действий преступника, но можно по крупицам собрать те сведения, которые в дальнейшем помогут раскрыть дело. Кроме того, ретроспекция касается не самого преступника, а его окружения, которое, само того не замечая, выводит на чистую воду того, кто украл сокровища. При этом хронология повести ограничена не только рамками лагерной смены, но и решением детективного вопроса: начало повести ознаменовано созданием детективной группы КЕДР, а конец – раскрытием преступления. Действительно, детективный компонент повести весьма продуктивен: это и атмосфера таинственности, и приключенческая составляющая, и подозрения как ложные, так и истинные: ложные касались медработника, директора, метаморфоз в поведении директора лагеря и т.д., а истинные касались недоброжелательности, хитрости, коварстве лагерного завхоза по прозвищу Борщ. Если детектив выводит в качестве преступника самого невинного, на первый взгляд, персонажа, то повесть Пантелеевой тоже ставит под сомнение честность и невинность Кораблёва – директора лагеря. В данном случае автор не может обмануть героев, проникнувшихся симпатией к смелому, харизматичному и искреннему директору, поэтому на сцене появляется его двойник – сердитый и угрюмый брат-близнец, который, собственно, и совершил кражу.

Автору важно показать именно те изменения, которые происходят в жизни и характере главных героев в эту лагерную смену. Фактически можно говорить о своеобразном инициарном пути героев. В одном месте – палате лагерного изолятора – собираются четверо самых разных по характеру, мировосприятию, темпераменту героев. У всех них разный багаж за плечами, разный культурный и социальный уровни. Так, сын «известного чиновника» принадлежит к общественной элите. При этом он мало приспособлен для жизни в коллективе. Это, скорее, истероидный эгоцентрик, привыкший к повышенному вниманию к собственной персоне, тяжело воспринимающий успехи другого. Но именно он станет пружиной расследования. Ему оказываются известны

подробности хода расследования, которые скрыты от других. Но попав в чуждый ему коллектив, Костик учится быть мягче, терпимее к другим, видеть положительные качества в людях не его круга и т.д. Он стал более лоялен к тем, кого презрительно называл «сиротами». А в конце он даже передаёт право раскрыть преступление Рите. При этом не забывает самого главного – плотно и вкусно поесть. В этом как раз и проявляются оставшиеся у него «детские» черты.

Яркий гипертивный тип личности реализуется в характерах Димы и Евы, которые заражают своими оптимизмом и энергией других, но при этом они несколько легкомысленны и беззаботны, что тоже под воздействием обстоятельств корректируется. Дима учится не просто сосредоточенности и внимательности, но и нести ответственность за других. Он проходит своеобразную школу взросления. Ева тоже в конце концов учится быть более внимательной и аккуратной в быту и отношениях с окружающими. Активным экстравертам противостоит Рита, героиня-интроверт, явный сензитив, которая не сразу вливается в новый коллектив, но потом и она находит в себе силы преодолеть природную скромность и даже благодаря умению анализировать и исследовать окружающий мир раскрывает преступление.

Несколько особняком стоит повесть **Тамары Михеевой «Асино лето» (2008)**, так как помимо лагерного дискурса и жанровых черт каникулярной повести в произведении актуализированы черты **фэнтези**. На первый план выходит вполне **реалистическая основа** сюжета о смене в детском лагере. Несмотря на то, что произведение выстраивается в основном вокруг отношений Прасковьи Шустовой, которая называет себя Асей (знаковое имя с явным литературным подтекстом!), и Колей Огурцовым, прозванным Кукумбером, в данной повести в большей степени, чем в других, показаны деятельность, интересы и собственно жизнь самого отряда. Как отмечают Маслинская, Бурмистрова и др., писатели XXI века все чаще обращаются к советской пионерской лагерной символике и показывают жизнь прошлого в деструктивно-демоническом ореоле, приводя в качестве примеров разрушенные лагерные скульптуры, заброшенные территории, уничтоженный усадебный топос советского пионерского лагеря. Действительно, это можно увидеть в некоторых произведениях Екатерины Невотиной, Светланы Ольшевской и др. Исследователи ошибочно полагают, что этот мотив гиперболизирован и у Крапивина, но за разрушением гипсовых скульптур стоит не отречение от советского прошлого, а отношение героев к прошлому, нежелание извлекать уроки из прошлого и культивирование его худших черт.

В произведении Михеевой символическим знаком прошлого становится одичавший фруктовый сад, поросший полынью, крапивой (символические растения!) и даже ставший гнездилищем змей. Это не оценка прошлого, а, скорее, знак периода безвременья после того светлого, что было ранее. Не случайно проводится параллель между советским лагерным прошлым и реалиями сегодняшнего дня. Автор показывает сложную работу всего отряда, который учится понимать главное и постепенно возрождает утраченное – прекрасный сад. Михеева показывает непростую ментальную и физическую работу подростков, которые проникаются идеей возрождения сада, оживляют его и вдыхают в него новую жизнь, являя настоящее чудо. Михеева словно продолжает развивать мысль Крапивина о необходимости возрождения лучших традиций прошлого. Кроме того, возделанный цветущий и плодоносящий сад становится значимой мифологемой, актуальной в любую историческую эпоху. Однако для реализации и данной, и других проблем реалистической эстетики оказалось недостаточно. Михеева вводит фэнтезийную основу для актуализации главной идеи. Именно в лагере «Светлячок» героиня проходит своеобразный инициарный путь. Так, вначале Ася-Прасковья зациклена на себе, своих

проблемах, вопросах самореализации. Неслучайно, девочки в лагере считают Асю задавакой и воображалой. Эгоцентризм выделяет героиню не только в детском коллективе, но и в параллельном сказочном мире – только Ася и отец Коли Василий Николаевич становятся причастны к жизни гномов и фей. Однако выделенность требует от Аси и жертвенности: сначала ей хочется спасти засохший цветок и выручить фей Манюню и Марусю, поэтому она проделывает непростой, полный магических ритуалов путь к Речному царю и добывает живую воду, а позже, став невольной виновницей травмы Коли, она вынуждена преодолеть страшный путь для его спасения. Этот путь – не только путь взросления, но и способ познать себя, свои возможности и других. Так, только Ася может узнать, что за страшной внешностью Грозного Человека прячется измученный одиночеством обыкновенный человек, любивший когда-то, но принесший в жертву любимой свои общительность и радость жизни. За ужасом, который внушает Белый Монах, Ася узнала застенчивую душу, а за строгостью директора лагеря разглядела мальчишество и удаль. Путь Аси – путь исправления ошибок, обретения первых чувств и познания радости от умения жертвовать собой.

Таким образом, каникулярная повесть о детском лагере продолжает свое существование и даже развитие и в XXI веке, но существенно корректирует свои жанровые черты. Сам по себе жанр каникулярной повести требует еще какой-то жанровой основы, герои уже, проводя время в лагере, воспринимают это как существенный поворот в жизни, а сам изображенный путь героя воспринимается как инициарный.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.101-114.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 904 с.
4. Осьмухина О.Ю., Гудкова С.П. Жанровая система русской литературы XX века: учебное пособие. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2016. – 79 с.
5. Абузова Н.Ю. Семиотика «дачного текста» в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» (1940) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 4(43). С. 79-88.
6. Бурмистрова С.В. Усадебный хронотоп в детской литературе XX – начала XXI века // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 119-126.
7. Маслинская С. Новые чудовищные места: пионерский лагерь в современной детской литературе // Топографии популярной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 165—180.
8. Борода Е.В. "Честное бегство" современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 599-607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607
9. Мингалина А.П. Образ ребенка-интроверта в современной подростковой прозе. В сб.: Передовое развитие современной науки: опыт, проблемы, прогнозы. Сб. статей III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 219-226.
10. Юхнова И. С. Ценностные ориентиры героев А. П. Гайдара ("Тимур и его команда") // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 126-131.

11. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 205 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что вопрос жанровой природы того или иного художественного литературного произведения весьма сложен и неоднозначен, несмотря на появление значительного числа трудов на эту тему. Нельзя сводить понятие жанра только к формальной составляющей, необходима векторная оценка, которая, несомненно, ориентирована и на содержание. Автор в начале текста отмечает, что «статья посвящена осмыслению жанровых особенностей каникулярной повести о детском пионерском лагере в русской литературе конца XX – начала XXI вв., что актуализировано самим материалом исследования, который остаётся малоизученным литературоведческой наукой, а также теми крайне важными проблемами, которые подняты в рассматриваемых произведениях». Выбранная магистраль исследования достаточно интересна, ибо она имеет фактурное претворение в литературе и XX, и XXI веков. Практическая и теоретическая значимость изыскания объяснена: «Теоретическая значимость данной работы обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования жанровой природы каникулярной повести о детском оздоровительном лагере, а также проблем изучения типологии детско-подростковых характеров. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах». Думаю, что материал, действительно, удобно использовать не только при изучении истории литературы, но и в педагогических целях, в русле аргументации и объяснения нормативов и правил поведения. Объёмен в тексте т.н. ссылочный аппарат, и это положительно: «проблемы жанровой специфики художественного произведения осмыслены в трудах С. С. Аверинцева [1], М. М. Бахтина [2], Н. Л. Лейдермана [3], О. Ю. Осьмухиной [4] и др. Проблемы каникулярной повести исследуются в работах Н. Ю. Арбузовой [5], С. В. Бурмистровой [6], С. Маслинской [7] и др. О проблемах подростковой самореализации размышляют Е. В. Борода [8], А. П. Мингалина [9], И. С. Юхнова [10], которые выявляют проблемные аспекты детско-подросткового характера, воплощённого в произведениях русских и зарубежных писателей». Статья грамотно структурирована, примечательно, что в работе главенствует аналитическая направленность, таким образом, достигается поставленная цель, точно раскрывается тема. Стиль работы соотносится с собственно научным / академическим стилем. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «жанр каникулярной повести о пионерском лагере относительно новый для русской детской литературы. Безусловно, тема детского отдыха, усадебный топос, дачный дискурс входили в круг писательских интересов и ранее, но именно тема пионерского/оздоровительного детского лагеря стала актуальной после появления соответствующего феномена. Актуализировался данный феномен в XX веке, начиная именно с 1920-х годов, когда стали появляться повести об Артеке, о других пионерских лагерях, а также тема пионерского лагеря стала входить в повести воспитания («Четвёртая высота», «Республика ШКИД», «Будьте готовы, Ваше высочество!» и др.)», или «мифологическая составляющая выстраивает в повести Крапивина систему космогонических, героических, космологических и собственно литературных мифов. Повествование о происхождении, структуре и функционировании Великого Кристалла, о его гранях, схождениях и

пересечениях органично сопрягается как с литературным мифом о золотой рыбке, которая исполняет желание ценой собственной жизни, так и с солярным и лунарным мифами, трактующими особое происхождение и своеобычную роль этого персонажа. Героический миф о Командорах не просто типизирует главного героя и вписывает его в ряд героев-защитников, но и оригинально характеризует Волынова, выявляя те качества, которые не всегда очевидны с первого взгляда» и т.д. Думаю, что ряд моментов, которые обозначены в работе, и это весьма хорошо, может быть расшифрован далее – в новых статьях и исследованиях. Например, «современность не воспринимается спасающей и более светлой. В повести присутствуют и черты, вполне типичные для каникулярной повести о детском лагере, но они даны слишком бегло, отрывисто и пунктирно. Даже отношения между героями выстраиваются не столько на основе дружбы, сколько на необходимости решить важную задачу и вернуться в свое время целыми и невредимыми. Время же, куда попали герои, практически остановившееся, застывшее в самый драматический момент, когда происходит преступная халатность вожатой. Разомкнуть этот круг и в чём-то искупить вину матери может только её сын, оказавшийся на месте того самого ребенка» и т.д. Набор анализируемых текстов, который взят за основу, объемён (Т. Крюкова, М. Пантелеева, Т. Михеева и т.д.), причем они варианты, и в режиме тематической целостности, и в номинации языковой, образной. Автор старается максимально полно раскрыть суть вопроса, а также обозначить и свою позицию. Работа финально завершается общим итогом: «каникулярная повесть о детском лагере продолжает свое существование и даже развитие и в XXI веке, но существенно корректирует свои жанровые черты. Сам по себе жанр каникулярной повести требует еще какой-то жанровой основы, герои уже, проведя время в лагере, воспринимают это как существенный поворот в жизни, а сам изображенный путь героя воспринимается как инициарный». Созвучие в данном случае с основным блоком явно налично. Требования издания учтены, правка текста излишня. Рекомендую статью «Жанр каникулярной повести в произведениях XXI века для детей и подростков» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».